

Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г.: ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОГО СЕМЕЙНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

The Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of 1926: the evolution of Soviet family legislation

Мун В.А.

Канд. юрид. наук, доцент кафедры истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
e-mail: mun.viktoriya@mail.ru

Mun V.A.

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Урываев А.В.

Канд. юрид. наук, доцент кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Волгоградского института управления - филиала РАНХиГС
e-mail: yesza@mail.ru

Uryvaev A.V.

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of Law and State and Legal Disciplines of the Volgograd Institute of Management - branch of RANEPА

Аннотация

Рассмотрены основные изменения в регулировании брачно-семейных отношений, обусловленные принятием Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. Авторы анализируют исторический и социальный контекст разработки нового семейного кодекса, его ключевые положения и влияние на формирование брачно-семейных отношений в Советском Союзе. Особое внимание уделяется юридическому признанию «фактического» брака, принципам равенства полов, светскости брака и защите прав детей, которые стали основополагающими в кодексе и отражали революционные изменения в обществе, способствуя формированию новой социальной реальности.

Ключевые слова: семейный кодекс, семья, брак, охрана детства, опека, попечительство, фактический брак.

Abstract

The article examines the main changes in the regulation of marital and family relations caused by the adoption of the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship of 1926. The authors analyze the historical and social context of the development of the new family code, its key provisions and influence on the formation of marital and family relations in the Soviet Union. Particular attention is paid to the legal recognition of "de facto" marriage, the principles of gender equality, the secularity of marriage and the protection of children's rights, which became fundamental in the code and reflected the revolutionary changes in society, contributing to the formation of a new social reality.

Keywords: family code, family, marriage, child protection, guardianship, custody, common-law marriage.

Разработка Кодекса законов о браке, семье и опеке 1926 г. [1] (далее – Кодекс 1926 г.) началась в 1923 г. и длилась на протяжении трех лет. В 1925 г. Наркомюст РСФСР выработал проект нового семейного кодекса, который был подвергнут всенародному обсуждению. В 1926 г. данный проект после двукратного обсуждения на сессиях ВЦИКа был утвержден. Принятие нового семейного кодекса ознаменовало собой новую эпоху в регулировании семейных отношений в СССР. Этот нормативный акт был введен в действие с 1 января 1927 г. и внес ряд принципиальных новаций в существовавшую систему брачно-семейных правоотношений.

Кодекс 1926 г. утвердил принцип свободы заключения брака. Брак признавался добровольным и равноправным союзом мужчины и женщины. Особое внимание уделялось полному равенству супругов как в семейных, так и в имущественных правах и обязанностях. Подобно Кодексу законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., юридическую силу брак приобретал только после государственной регистрации в соответствующих органах. При разводе особое внимание уделялось интересам детей, гарантируя их благополучие и достойное воспитание.

В первой статье Кодекса 1926 г. оговаривалась цель регистрации брака, которая заключалась в облегчении охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей в интересах государства и общества. В этой связи в Кодексе 1926 г. подробно определялись правила владения, пользования и распоряжения имуществом супругов.

Стоит отметить, что развернувшаяся сначала на сессии ВЦИК, а затем в печати и в публичных выступлениях дискуссия по поводу проекта семейного кодекса сосредоточилась главным образом, на вопросе о юридических последствиях заключения брака. Можно выделить три точки зрения по этому вопросу. Первая – точка зрения авторов проекта. Они считали, что регистрация брака является необязательной и создается лишь с целью облегчить охрану личных и имущественных прав и интересов супругов и детей. Вторая точка зрения защищала необходимость охраны существовавшего порядка, когда браком признавался только зарегистрированный брак. Представители третьей точки зрения исходили из того, что регистрация брака является необязательной, но что следует в законе дать определение брака для того, чтобы в случае необходимости разрешения споров, суды или административные учреждения могли этим определением руководствоваться [2].

В итоге одним из ключевых нововведений стало признание так называемого «фактического брака», что радикально изменило правовое положение детей, рожденных как в официально зарегистрированных браках, так и вне их, уравнивая их права в соответствии с законом [3]. Все дети, независимо от происхождения, имели равные права и защиту со стороны государства.

Во многом это обуславливалось тем, что несмотря на юридическое признание в Кодексе 1918 г. только зарегистрированной формы брака, в стране преобладал процент незарегистрированных браков. Так, сопоставляя данные всенародной переписи и данные ЗАГСов, выяснилось, что незарегистрированных браков оказалось примерно на 7 единиц больше, чем браков зарегистрированных. В городах это превышение было больше. При этом отсутствие охраны фактического брака ущемляло положение, прежде всего, женщины [4]. Таким образом, Кодекс 1926 г. предоставлял фактическим супругам права на алименты и те же права на имущество, что и зарегистрированным супругам, в то время как Кодекс 1918 г. вовсе не создавал общности имущества супругов.

Первоначально уравнивание правовых последствий фактических брачных отношений с официально зарегистрированными браками, не было абсолютным. Как отмечалось, в Кодексе 1926 г. основное внимание уделялось обеспечению взаимного содержания супругами и регулированию вопросов, связанных с имуществом, приобретённым супругами в период брачных отношений. Но вновь последующая судебная практика и законодательные инициативы стремились к полной идентификации правового статуса фактических браков с официально зарегистрированными, обеспечивая равенство супругов во всех аспектах семейных правоотношений.

Утверждение светского понимания брака как юридического соглашения между сторонами подразумевало акцентирование внимания не столько на официальной регистрации, сколько на взаимном согласии участников. В результате споров в научных и общественных кругах предлагалось даже отказаться от процедуры регистрации брака в целом [5]. Такие предложения были частично продиктованы распространенными в тот период в общественной среде взглядами на постепенное угасание института брака [6].

С другой стороны, введение гражданской формы брака в 1917 г. многими воспринималось как способ борьбы против религиозных традиций, а к 1926 г. большевики, по мнению многих, смогли значительно уменьшить «религиозные предрассудки» среди населения, снизив тем самым риск возвращения к церковным обрядам [7, с. 69].

Среди других мер борьбы «с вредной деятельностью служителей культа» и борьбы «за отвлечение масс от религиозных обрядов», предпринимались и другие меры. Например, к числу таких мер относилось создание торжественной обстановки при совершении регистрации брака.

Кодекс 1926 г., регулируя порядок регистрации брака, в отличие от Кодекса 1918 г. сохранил указание на то, что запись брака могла быть совершена при желании вступающих в брак в присутствии свидетелей (ст. 134 Кодекса 1926 г.).

Стоит отметить, что данная мера была попыткой пойти навстречу обычаю приглашения брачующимися свидетелей шаферов. Однако, тут возникала другая проблема – никому из брачующихся не приходило в голову пригласить шаферов. Более того, брачующиеся не проявляли интереса к символическим атрибутам торжества, таким как праздничная одежда. Указанное было обусловлено стандартным характером процедуры регистрации брака, проводимой в рамках обыденной канцелярской деятельности. Процесс регистрации, совмещенный с другими формальными операциями, такими как запись о рождении, смерти или расторжении брака, и осуществляемый за отдельными столами, не предполагал создания атмосферы праздника. В результате, для брачующихся процедура регистрации воспринималась как рутинное действие, оставляющее в памяти лишь факт подписи под документами. Отсюда и пошло, что зарегистрировавшиеся в органах ЗАГС никогда не говорили «поженились», «вступили в брак», а говорили «расписались». В дополнение к этому само помещение ЗАГС часто было грязным, стены облупленными, ободранными, пришедшие по другим делам люди, как правило, вели себя шумно, неряшливо. В такой обстановке торжественная обстановка церковного брачного обряда в большей степени вселяла в сознание брачующихся, что они совершают действительно серьезный, важный шаг в жизни [6].

Примечательно, что Кодекс 1926 г. в основном был воспроизведен и в других союзных республиках, но с рядом серьезных отступлений по вопросу об охране фактических браков. В республиках, где необходимо было усиленно бороться с влиянием религии и с многоженством, фактический брак не пользовался правовой защитой (кодексы Азербайджанской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР) [8, с. 62]. Брачный возраст для женщин в этих республиках остался прежним, т.е. 16 лет, вместо вновь установленного 18-летнего возраста.

В период новой экономической политики, характеризовавшейся динамичным развитием экономического потенциала СССР и укреплением социалистических начал в промышленности, актуализировался вопрос о реформировании института опеки и попечительства. Это было вызвано не только расширением частно-имущественных прав и усилением прав наследования, но и необходимостью защиты интересов несовершеннолетних наследников. Переосмысление и оптимизация функционирования учреждений опеки стали неотъемлемой частью законодательных инициатив, направленных на урегулирование имущественных отношений и обеспечение правопорядка в сфере гражданского оборота. Особое внимание уделялось организации опеки над лицами, страдающими психическими расстройствами, что требовало от законодателя выработки четких нормативных регламентов, способствующих защите их прав и интересов.

Кодекс 1926 г. заложил правовые основы для защиты прав и интересов тех, кто не мог самостоятельно осуществлять свои права и обязанности. Особое внимание уделялось обеспе-

чению интересов несовершеннолетних и недееспособных граждан. Четко определялись условия и порядок назначения опекунов и попечителей, а также их права и обязанности, закрепленные в ст. 68.

Процедура назначения опекунов и попечителей регламентировалась законом, при этом учитывались личные качества кандидатов, их способность к воспитанию и управлению имуществом подопечных (ст. 76).

Важное значение придавалось вопросам контроля за деятельностью опекунов и попечителей, чтобы предотвратить злоупотребления и обеспечить наилучшее воспитание и управление имуществом подопечных (ст. 73, 80). Кодекс 1926 г. акцентировал внимание на необходимости осуществления опеки и попечительства в интересах подопечных, учитывая их индивидуальные и имущественные права. Также предусматривались механизмы правовой защиты подопечных, включая возможность обжалования действий опекунов и попечителей в судебном порядке, что было отражено в ст. 93.

Таким образом, институт опеки и попечительства выступал как важный элемент семейного законодательства, направленный на защиту уязвимых слоев населения и регулирование социальных отношений. Вместе с тем, система опеки и попечительства, предусмотренная Кодексом 1918 г., демонстрировала значительные проблемы в организационной структуре. Отсутствие централизованной организации опеки приводило к раздробленности функций между различными государственными учреждениями. Так, Народный комиссариат просвещения отвечал за опеку над несовершеннолетними, в то время как опека над лицами с психическими расстройствами находилась в ведении Народного комиссариата здравоохранения. Кроме того, Народный комиссариат внутренних дел также исполнял определенные функции в сфере опеки и попечительства. Подобная фрагментация власти не только усложняла процесс оказания помощи нуждающимся, но и создавала путаницу среди граждан, особенно в случаях, когда возникали спорные ситуации, требующие четкого разграничения полномочий между учреждениями. Примером такой ситуации может служить необходимость установления опеки над имуществом двух наследников, один из которых был несовершеннолетним, а другой — лицом с психическими нарушениями. В таких обстоятельствах отсутствие четкой юрисдикции могло привести к затягиванию процесса и дополнительным трудностям для заинтересованных сторон [9].

Очевидной была необходимость реформирования и централизации системы опеки и попечительства уже в первые годы после революции.

В рамках дискуссии о преобразованиях в сфере опеки и попечительства, осуществленных в послереволюционный период, стоит особо акцентировать внимание на концептуальных основах, которые предполагались законодателем. Согласно действовавшему тогда Кодексу 1918 г., государственные органы были наделены прямыми полномочиями по осуществлению опекунских функций. Однако, существовала альтернативная модель, предполагающая минимальное участие государства в процессе опеки, ограничивающееся созданием и регулированием институтов, координирующих деятельность частных лиц в данной области.

Такой подход предусматривал передачу ответственности за заботу о личности и имуществе подопечных на индивидуальных граждан, в то время как государство сохраняло за собой лишь функции надзора и контроля. Эта концепция индивидуальной опеки подразумевала возможность более гибкого и персонализированного подхода к каждому случаю, однако, также влекла за собой риск недостаточной стандартизации и унификации процессов, что могло привести к правовой неопределенности и затруднениям в реализации опекунских прав и обязанностей.

В свете этих соображений, вопрос о выборе между централизованной государственной системой опеки и моделью, делегирующей опекунские функции частным лицам, становился предметом глубокого анализа и обсуждения. Он отражал более широкую проблематику баланса между государственным регулированием и частной инициативой в социальной сфере, характерную для начального этапа формирования советской правовой системы.

В контексте анализа Кодекса 1926 г. ключевым аспектом являлся принцип индивидуальной опеки, который лег в основу данного кодекса. Этот принцип подразумевал, что выполнение функций опекуна и попечителя представляло собой не просто личное дело, а общественный долг каждого гражданина [9].

Кроме того, система опеки включала в себя защиту интересов и имущества лиц, признанных пропавшими без вести или умершими в случаях, предусмотренных законодательством. Опекуны, представляя интересы своих подопечных, выполняли права и обязанности, которые по закону принадлежали этим лицам, что было четко изложено в ст. 69 Кодекса 1926 г.

Особое внимание заслуживает институт попечительства. Он был ориентирован на защиту интересов двух категорий лиц: 1) несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет; 2) совершеннолетних, которые вследствие своего физического состояния оказывались неспособны самостоятельно осуществлять свои права.

Попечители, в соответствии с законом, предоставляли поддержку этим лицам в реализации их прав и обязанностей, а также обеспечивали защиту от возможных злоупотреблений со стороны третьих лиц, как это определено в ст. 70 Кодекса 1926 г.

Данная норма отражала принципиальный подход к вопросам социальной защиты, предусматривая создание механизмов поддержки для тех, кто по различным причинам не мог самостоятельно отстаивать свои интересы. Таким образом, попечительство выступало в качестве важного элемента системы правовой помощи, направленной на укрепление социальной стабильности и справедливости.

Статья 78 Кодекса 1926 г. устанавливала исключения из обязанностей опекунов и попечителей, предусматривая освобождение от этих функций в определенных обстоятельствах. К таким обстоятельствам относились:

1) Достижение возраста шестидесяти лет, после которого граждане могут быть освобождены от обязанностей опекуна или попечителя.

2) Наличие заболеваний, физических недостатков, имущественных трудностей или особенностей профессиональной деятельности, делающих невозможным исполнение данных обязанностей.

3) Воспитание в семье двух и более детей, что само по себе представляет значительную ответственность и заботу.

4) Материнство, включая кормление грудью и уход за ребенком до восьми лет, что требует особого внимания и времени.

5) Существующая опека или попечительство, что указывает на наличие предшествующих обязательств.

Эти положения отражают гуманный подход законодателя, признающего ограничения, с которыми могут столкнуться опекуны и попечители, и предоставляющего возможность освобождения от этих обязанностей в случаях, когда их исполнение может быть чрезмерно обременительным или невозможным. Таким образом, законодатель стремился обеспечить баланс между потребностями подопечных и возможностями опекунов и попечителей, подчеркивая важность социальной поддержки и защиты прав уязвимых групп населения.

Кодекс 1918 г. характеризовался отсутствием четко установленного временного предела для исполнения алиментных обязательств, что теоретически допускало их взыскание на протяжении всей жизни бывшего супруга. В контрасте с этим Кодекс 1926 г. внес коррективы, исключив практику пожизненного алиментирования супруга и ограничив обязанность по выплате алиментов периодом в один год после расторжения брака. Это изменение отражало стремление к более сбалансированному и справедливому регулированию семейных отношений, с учетом изменяющихся социальных и экономических условий (ст. 14, 15 Кодекса 1926 г.).

С целью усиления законодательных мер по обеспечению исполнения обязательств по выплате алиментов, 11 июня 1928 г. было принято Постановление ВЦИК и СНК «О мероприятиях, обеспечивающих реальное взыскание алиментов» [10]. Согласно этому постановлению, лица, обязанные выплачивать алименты по решению суда, должны были уведомлять о смене

места жительства и работы, а также о любых изменениях в размере своих доходов. Эти изменения необходимо было сообщать лицу, в пользу которого были присуждены алименты, или его законному представителю, а также органам, осуществляющим процесс взыскания, включая судебных приставов и работодателя алиментоплательщика. Невыполнение этих обязательств влекло за собой уголовную ответственность.

Кроме того, согласно данному постановлению, доход лиц, не работающих по найму, исчислялся как годовой объем доходов, подлежащих налогообложению. Лицам, имеющим нетрудовой доход, запрещалось отчуждать принадлежащие им строения и предприятия без предварительного получения согласия получателя алиментов или его опекуна (попечителя).

В дополнение к перечисленным мерам Постановление от 11 июня 1928 г. обязывало прокурорские органы информировать о случаях уклонения от выплаты алиментов и ненадлежащего исполнения обязанностей по уходу за детьми. Это обязательство распространялось на все институты и организации, занимающиеся борьбой с детской беспризорностью и безнадзорностью. Таким образом, при выявлении случаев нарушения законодательно установленных обязательств по содержанию несовершеннолетних или алиментных выплат, данные организации должны были незамедлительно уведомлять надзорные органы. Это позволяло оперативно реагировать на случаи нарушения прав несовершеннолетних и обеспечивать защиту их интересов.

Такой подход был направлен на усиление контроля за исполнением алиментных обязательств и предотвращение уклонения от них, что, в свою очередь, способствовало снижению уровня детской беспризорности и защищало права и интересы несовершеннолетних граждан. Институты и организации, участвующие в этой деятельности, играли ключевую роль в выявлении и пресечении таких нарушений, что отражает важность комплексного подхода в обеспечении правопорядка и защиты детства.

Проблемы с неисполнением алиментных обязательств приводили к увеличению числа семей, оказавшихся в трудном материальном положении. Предпринимаемые меры были направлены на создание более строгого и эффективного механизма, который бы обеспечивал выполнение алиментных обязательств и защищал бы интересы тех, кто зависит от этих выплат. Постановление подчеркивало важность семейных ценностей и ответственности, а также роль государства в обеспечении социальной защиты граждан.

При расторжении брака на органы, ответственные за регистрацию актов гражданского состояния, возлагалась обязанность особо тщательно следить за вопросами финансового обеспечения детей разводящихся супругов. В случаях отсутствия между разводящимися сторонами консенсуса по данному вопросу, упомянутые органы были обязаны направлять дело для дальнейшего разбирательства в судебные инстанции. Повышение эффективности судебной системы в части принудительного взыскания алиментов включало упрощение процедур и ускорение процесса взыскания.

Другое изменение коснулось процедуры развода. В соответствии с Кодексом 1918 г., развод осуществлялся через судебные инстанции, однако при взаимном согласии сторон, процесс мог быть упрощен до заявительного порядка в органах ЗАГС. В отличие от этого, Кодекс 1926 г. инициировал кардинальный пересмотр данной процедуры, полностью исключив судебное вмешательство и установив единственный механизм регистрации развода через ЗАГС, что отражало общее направление на демократизацию и упрощение процессов в сфере семейных отношений (ст. 18, 138 Кодекса 1926 г.).

Если Кодекс 1918 г. не допускал усыновление, то Кодекс 1926 г. содержал целую развернутую главу «Усыновление» (ст. 57–67).

Усыновление рассматривалось как средство обеспечения благополучия ребенка и его воспитания в духе социалистического общества (ст. 57 Кодекса 1926 г.).

Права и обязанности усыновителей и усыновленных детей приравнивались к правам и обязанностям родных родителей и детей (ст. 64 Кодекса 1926 г.).

Устанавливались строгие критерии для кандидатов в усыновители, включая проверку их моральных и материальных условий. Вводился государственный контроль за процессом

усыновления, чтобы предотвратить злоупотребления и эксплуатацию детей. Усыновление становилось отменяемым в случае, если оно противоречило интересам ребенка. В случае нарушения интересов ребенка предусматривался судебный порядок рассмотрения вопроса об отмене усыновления (ст. 66, 67 Кодекса 1926 г.).

Указанные меры были направлены на обеспечение защиты прав усыновленных детей и предотвращение злоупотреблений. Изменения подчеркивали важность защиты прав детей и стремление к созданию условий для их полноценного развития в новом обществе.

С 1926 г. началось обновление брачно-семейного законодательства не только в РСФСР, но и во всех других республиках. В 1926–1928 гг. были изданы новые семейные кодексы на Украине, в Белоруссии, Азербайджане, Армении, Узбекистане, в 1930 г. – в Грузии, в 1935 г. – в Туркменистане. В Киргизии, Казахстане, Эстонии, Латвии, Литве и Карело-Финской ССР, согласно решению правительств этих республик, применялся Кодекс РСФСР. На территории Молдавской ССР временно применялся Кодекс Украины [11].

Таким образом, в контексте анализа брачно-семейного законодательства рассматриваемого периода, следует отметить, что оно демонстрировало значительные прогрессивные тенденции. Это проявлялось в ряде положений, направленных на укрепление правового статуса семьи, расширение прав и обязанностей супругов, а также во введении мер, способствующих защите прав детей и других членов семьи. Особое внимание было уделено обеспечению равенства полов в семейных отношениях, что отражало общемировые тенденции в области прав человека и гендерного равенства. В целом семейное право было направлено на формирование более справедливой и гармоничной семейной системы.

Кодекс 1926 г. внес значительные изменения в регулирование брачно-семейных отношений. Эволюция семейного законодательства и социальных ценностей в период между первым кодифицированным законом в сфере брачно-семейных отношений, принятом в 1918 г. и Кодексом 1926 г. проявилась в усилении роли государства в защите брачно-семейных отношений. Государство признавало защиту материнства и детства приоритетной задачей, обеспечивая поддержку одиноким матерям и детям. Существенно расширились права женщин и детей в вопросах установления отцовства. Внесенные изменения в нормы опекуновства и попечительства, делали их более гуманными и ориентированными на интересы подопечных.

Провозглашение принципа полного равенства прав и обязанностей мужа и жены, свидетельствовало об отходе от патриархальных норм. Принцип свободы брака заключался в том, что брак заключался по взаимному согласию сторон, без каких-либо ограничений по социальному, расовому или национальному признаку. Но, пожалуй, одним из самых главных нововведений стало признание юридической силы за фактическими брачными отношениями при доказательстве совместного сожительства фактических супругов, ведении при этом сожительстве общего хозяйства и подтверждении со стороны третьих лиц данных фактов, а также взаимная материальная поддержка и совместное воспитание и содержание детей.

Литература

1. Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
2. Белобородов А. Наши разногласия о брачном Кодексе // Рабочий суд. 1926. № 1. С. 3–6.
3. Кудряшов Н. А. Конституционное закрепление института семейных отношений // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 4. С. 134–137.
4. Рейхель М. О. Развитие советского законодательства о семье // Ученые записки. 1948. IV. С. 49–54.
5. Кондурушкин И. С. Дискуссия о браке // Рабочий суд. 1926. № 2. С. 99–104.
6. Приградов-Кудрин А. Сила регистрации брака // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 49. С. 1156–1158.
7. Антокольская М. В. Лекции по семейному праву: учеб. пособие. М.: Юрист, 1995. 143 с.

8. *Бошко В. И.* Очерки советского семейного права. Перераб. и доп. д-ром юрид. наук проф. В. А. Рясенцевым. Киев: Госполитиздат УССР, 1952. С. 62.
9. *Вольфсон Ф.* Вопросы опеки и попечительства по проекту «Кодекса законов о браке, семье и опеке» // Рабочий суд. 1926. № 1. С. 7–14.
10. Постановление ВЦИК и СНК от 11 июня 1928 г. «О мероприятиях, обеспечивающих реальное взыскание алиментов» // Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 4.07.1928 г. № 153 (3).
11. *Свердлов Г. М.* Развитие советского семейного права // Советское государство и право. 1947. № 10. С. 98–112.